

Пролог,

*в котором сделано предложение
вступить в брак*

Весна 1821 года

Синьорине Алессандри нездоровилось. В своей квартире на Ковент-Гарден она горячо и страстно по-итальянски молила о смерти.

— О, пожалуйста, мисс, говорите по-английски! — попросила горничная, подхватив распущенные тяжелые черные волосы госпожи. — Я не понимаю ни слова. Думаю, нам лучше позвать доктора.

— Глупости, — ответила синьорина, ухватившись за спинку кресла так, что побелели костяшки пальцев. — Во всем виновата рыба, которую подавали вчера у лорда Чесли.

Горничная поджала губы:

— Да, а что было вчера, мисс? Могу поспорить, что не рыба.

Вивиана прикрыла глаза, борясь с позывами тошноты.

— Помолчи, Люси. Не будем больше говорить об этом. Самое плохое уже позади.

— О, я в этом не уверена, — заметила служанка.

Вивиана ничего не ответила и подошла к тазику с водой.

— А где утренняя почта, per favore? — спросила она и начала умываться, неловко расплескивая воду.

Люси со вздохом направилась в гостиную и вернулась с подносом, на котором лежало одно письмо — судя по хорошо узнаваемому неразборчивому почерку, от отца Вивианы, и сложенная вдвое записка без адреса.

— Это принес лакей мистера Хьюитта, — небрежно бросила горничная.

Вивиана закончила умываться и приложила полотенце к мокрому лицу. Горничная смотрела на нее встревоженным взглядом. Все эти долгие месяцы девушка проявляла преданность и доброту.

— Спасибо, Люси, — пробормотала Вивиана. — Почему бы тебе не выпить чашечку чая? А я читаю письмо.

Люси стояла в нерешительности.

— Но разве вы не желаете, чтобы вам принесли воду для купания, мисс? — спросила она. — Уже полдень. Скоро придет мистер Хьюитт, не так ли?

Куин. Конечно, Люси права. Вивиана отложила полотенце и взяла записку. Куин обычно приходил к ней вскоре после полудня. Да, так он собирался сделать и сегодня. О, как она ждала его прихода и в то же время боялась!

Вивиана кинула записку в огонь. Она заметила свирепые взгляды, которые Куин бросал в ее сторону в гостиной театра после вчерашнего представления. Театр был полон. Вивиана пела божественно, каждая высокая нота в ее последней арии звучала
4 кристально чисто и проникновенно. Затем она

закончила мизансцену, упав без сознания в объятия своего возлюбленного. Раздались оглушительные аплодисменты.

Но Куин, казалось, замечал только то, что происходило после спектакля. Compliments и поздравления ее поклонников. Тосты и шампанское. Тонкие интимные намеки, которые так же тонко отвергались Вивианой. Но такой отказ не удовлетворял Куина. Нельзя было не заметить его вызывающую манеру и мрачную усмешку, когда он, сжимая в руке бокал с бренди, расхаживал по протертому зеленому ковру. Его дяде, лорду Чесли, даже хватило храбрости посмеяться над ним.

Куину это не понравилось. И особенно он был недоволен тем, что Вивиана, как это часто случалось и раньше, уходила, опираясь на руку Чесли. И сегодня Куин явно собирался устроить из-за этого скандал. Вивиана не была уверена, что у нее хватит духа противостоять ему. Но теперь это уже не имело большого значения.

— Мисс? — окликнула ее горничная. — Вода для ванны?

Тошнота снова подступила к горлу.

— Минут через десять, Люси. Пока мой желудок не успокоится, я читаю папино письмо. Если не успею, то приму мистера Хьюитта здесь.

Люси снова поджала губы:

— На вашем месте, мисс, я бы сразу сказала ему об этой испорченной рыбе.

Вивиана рассмеялась.

Но мимолетное веселье покинуло ее, когда она развернула письмо от отца. Даже запах его бумаги глубоко волновал ее. Она знала этот

ящик в его столе, откуда была взята бумага: в ящике отец хранил свой табак. А его почерк! Широкие размашистые строчки всегда напоминали Вивиане о его неутомимой силе, аккуратные петельки и рощерки — о его мудрости и пунктуальности, а поэтические слова — о артистизме. Отец Вивианы был одним из самых известных в Европе композиторов.

Она снова вдохнула запах, затем расправила письмо на коленях и пробежала глазами. Не поверив в то, что там было написано, Вивиана еще раз очень внимательно перечитала письмо. Чесли, по-видимому, обо всем извещал своего старого друга. Отец уже знал, что сегодня у Вивианы последнее представление «Похищения» и что весь лондонский Уэст-Энд повергнут к ее ногам. Наконец ее выступление в роли Констанции обернулось долгожданным триумфом.

И вот теперь отец писал, что она, Вивиана, может вернуться домой. Вивиана закрыла глаза и задумалась. Боже, какое странное совпадение судьбы и времени! Кажется, прошла целая вечность с той поры, когда она, гонимая страхом, со скрипкой и нотными листами, бежала из Венеции. И теперь вернуться! О, ради этого она и жила и об этом мечтала все время, кроме тех мгновений, что прошли в объятиях Куина. Он оказался для Вивианы истинным спасением.

А теперь она могла вернуться домой. То, что ей предлагалось, немного напоминало сделку с дьяволом. Конечно, не этого она хотела. Тем не менее, как писал отец, в этом были определенные преимущества. Большие преимущества. Ее возвращение неизмеримо облегчило бы жизнь отца, хотя он скорее умрет, чем признается в этом.

Решение предстояло принимать ей. «Не будет никакого принуждения». Вивиана могла поспорить, что эти слова не принадлежат отцу. Очевидно, граф Бергонци изменил тактику. Более того, по осторожным словам отца Вивиана поняла, что он убежден: она отвергнет предложение Бергонци, и он простит ее, если она так поступит. Вивиана положила руку на живот. Она далеко не была уверена, что может позволить себе такую роскошь, как отказ графу.

Принесенная вода оказалась горячей и чрезвычайно приятной. Вивиана наслаждалась ванной, когда в комнату тихо вошел Куин. Он выглядел рассерженным.

Взглянув на обнаженную Вивиану, он натянуто улыбнулся:

— Смываешь улики, Виви?

— Помолчи, Куинтин, — ответила Вивиана, устремив на него взгляд своих черных глаз. — Мне было вполне достаточно твоей ревности вчера. Веди себя пристойно или уходи.

Куинтин опустился на колени возле ванны и оперся о ее край. Сегодня у него был тусклый взгляд. От него пахло бренди, табаком и еще чем-то малоприятным. Похоже, он провел беспокойную ночь.

— Ты этого хочешь, Вивиана? — шепотом спросил Куинтин. — Ты прогоняешь меня?

Она выронила мыло.

— Как, Куин? — Вивиана выронила мыло, от огорчения всплеснув руками. — Mio Dio, разве я прогоняю тебя? Нет, и это правда, si?

Куинтин отвел глаза. Похоже, он не верил ей.

— Говорят, лорд Лотон обещал тебе дом в Мейфэре и денег больше, чем я могу вообразить. Во всяком случае, пока не получу титул. Это правда, Виви?

Вивиана покачала головой:

— Куин, какое это имеет значение, даже если и правда? Я больше не продаюсь — возможно, даже тебе. Почему ты должен так ревновать?

— Как я могу не ревновать, Вивиана? — с досадой проговорил Куинтин, касаясь пальцем ее соска. — Куда бы ты ни пошла, мужчины пожирают тебя глазами. Но ты по крайней мере еще хочешь меня.

Вивиана сердито посмотрела на Куинтина, но не оттолкнула его руку.

— Мое тело хочет тебя, это так, — призналась она. — Но иногда, amoge mio, мой ум не хочет.

— А твое сердце, Вивиана? — прошептал Куин, глядя на Вивиану из-под черных как уголь ресниц. — Я предусмотрительно спрятал твое тело в этой квартире, за которую заплатил. Владею ли я и твоим сердцем?

— У меня нет сердца! — резко ответила Вивиана. — Это сказал мне ты, если помнишь, на прошлой неделе, когда мы ссорились. И не надо напоминать мне, Куин, кому принадлежит крыша над моей головой. Я стала вспоминать об этом при каждом вдохе.

Желая помучить ее, Куинтин наклонился и повернул голову так, что смог дотянуться губами до соска Вивианы. Она сидела не шелохнувшись, позволяя ему втянуть сосок в рот и зажать зубами. Желание тут же охватило Вивиану. Ей вдруг стало трудно дышать.

Куинтин поднял голову и удовлетворенно улыбнулся.

— Куда ты ездила прошлым вечером, любовь моя? — спросил он.

Вивиана с вызовом посмотрела на него:

— К Чесли, в его дом. Мы обедали с лордом и леди Ротерс и с их знакомыми, которых они привезли из Парижа.

— А все они, не сомневаюсь, покровители искусств, — насмешливым тоном заключил Куинтин. — Тесный кружок моего дяди!

— Почему ты так часто плохо о нем думаешь? Он добр ко мне, не более того.

— Мой дядя — прекрасный человек. Это его друзьям я не доверяю. Между прочим, моя милая, что это у тебя вот здесь, под скулой? Синяк? Или что-то еще?

Взгляд Куинтина помрачнел, когда он пальцем провел по шее Вивианы.

— Здесь ничего нет, — отрезала она. Ей не надо было и смотреть. Куин пытался добиться от нее признания какой-нибудь ее вины. — Ничего нет, и ничего не было, Куин, — продолжала Вивиана. — Чесли — друг моего отца. В Лондоне он мой наставник и относится ко мне как к своей подопечной. Сколько раз надо возвращаться к этому глупому спору?

Куинтин отвел глаза:

— Я ничего не могу с собой поделать, Вивиана. Ты... ты сводишь меня с ума. Чесли водятся с распущенными людьми. Мне невыносимо видеть, как эти мужчины глазают на тебя.

— А как, скажи, я могу избежать этого? Что ты от меня хочешь, Куин? Чтобы я отказалась от карьеры? Ушла в монастырь? Видит бог, я певица и мне нужна публика.

Вивиана быстрым движением подобрала с пола полотенце и оттолкнула Куина.

— Я... я мог бы платить тебе. Сейчас немного, а потом — рано или поздно — намного больше. Тогда тебе совсем не надо будет петь.

Вивиана с изумлением посмотрела на Куина:

— Иногда я думаю, что ты не понимаешь меня. Я должна петь. Это не связано с деньгами.

Куин смотрел, как Вивиана встала, чтобы вытереться. Она и не пыталась прикрыть свою наготу от его пылающего взора. Ведь она принадлежала ему. Он купил ее и оплачивал ее расходы. И она позволяла ему делать это, хотя сначала сопротивлялась с яростью тигрицы.

— Ложись в постель, Вивиана, — скомандовал Куин, когда она закончила вытираться. — Раздвинь ноги. Я хочу тебя.

Вивиане хотелось отказать, но она тоже хочет Куина, несмотря на его отношение к ней. Ревность и взаимные обиды разъедали их сердца. Куин был слишком молод. Слишком неопытен. А она, Вивиана, просто слишком одинока. Теперь они лишь использовали друг друга. Понимал ли это Куин?

Она-то понимала. Но все равно жаждала наслаждения и удовлетворения, которое ей могло дать его сильное молодое тело. Вивиана жаждала его. И она помнила время, совсем недавно ушедшее время, когда они боготворили друг друга и вместе переживали радости и восторги первой любви.

— Ложись в постель, — повторил Куин. — Ты моя любовница, Вивиана. У меня есть право.

И это тоже было правдой. Вивиана отбросила
10   полотенце, откинула простыни и легла.

Куин сбросил с себя одежду с ловкостью человека, привыкшего к тому, что его потребности и капризы всегда удовлетворялись. Он уже возбуждился и был полностью готов. Как обычно.

Отшвырнув в сторону бежевые панталоны, он торопливо забрался на кровать и сразу же навалился на Вивиану. Она тихо ахнула и выгнулась навстречу.

— Ты принадлежишь мне, Вивиана, — шептал Куин, со всей силой входя в нее. — Никогда не забывай об этом.

Вивиана не принадлежала ему, но не стала спорить, а только приподняла бедра, чтобы острее чувствовать его внутри себя.

Куин схватил ее за руки и завел их вверх над головой. Он держал их так все время, пока они пререкались друг с другом.

Вивиана уже чувствовала, как напрягается тело Куина, и ее тоже, несмотря на боль, которую он причинял ей. Что она за женщина, чтобы хотеть этого и цепляться за это?

Куин как будто прочитал ее мысли.

— Ты моя, Вивиана! — прорычал он, заглянув Вивиане в глаза. Он все еще держал ее руки высоко над ее головой. — Ты моя, черт побери, и только моя. Скажи это.

Вивиана отвернулась и прошептала:

— Я твоя.

— Смотри на меня, Вивиана, — потребовал Куин, ускоряя свои движения. — Смотри на меня, когда я делаю с тобой это. Иногда я думаю, что ты хочешь разбить мое сердце. Скажи еще раз. Ты моя, и принадлежишь только мне!

Вивиана ответила возмущенным взглядом. 11